

Она пришла
из пепла.

Но в её крови
спало солнце.

ПЕПЕЛ И СОЛНЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Камилла Скрипниченко

Пепел и Солнце

«Автор»

2026

Скрипниченко К.

Пепел и Солнце / К. Скрипниченко — «Автор», 2026

Аэсоннэ привыкла выживать. В Скаргуле она воровала, чтобы прокормить младших братьев, и мечтала лишь об одном — однажды увезти их туда, где не придется бояться голода и смерти. Но однажды кража оборачивается кровью, а попытка спасти братьев заканчивается их гибелью. Оставшись одна, Аэсоннэ бежит из Скаргула вместе с Ксайреном — загадочным принцем, который предлагает ей новую жизнь. Только в Солмирене девушка узнает, что её прошлое скрывает тайну. Почему сторожевые псы приняли её за Кальдра? И что на самом деле спит в её крови? Теперь Аэсоннэ предстоит решить, кем она хочет стать: девушкой, которая всю жизнь боролась за выживание, или той, чья сила способна изменить судьбу целых миров.

© Скрипниченко К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Камилла Скрипниченко

Пепел и Солнце

Глава 1

Мои пальцы так легко цепляются за выступ стены, и я подтягиваю свой вес, ставя ногу в щель между кирпичей. Мне совсем не мешает ветер, и я прекрасно вижу даже в темноте. Я чувствую каждую крупину песка под своими туфлями, когда подтягиваюсь последний раз и зависаю на отливе, освобождая из кармана металлический наконечник. Окно тихонько цокнуло, когда я зажала замок и приоткрылось, впуская в помещение сухой воздух с песком и грязью.

Медленно, боясь создать лишний шум, я переставила сначала одну ногу на внутреннюю часть окна, а после и вторую, спускаясь на пол. Одна дощечка предательски заскрипела, и я перенесла вес на другую ногу.

Сейчас глубокая ночь – хозяева этого дома давно спят. Но все равно не было времени на размышления и долгие хождения.

Я переходила от места к месту подобно тени, проверяя карманы, ящики и полки. Монеты, украшения, камни — я забирала все, что могла унести и продать. Мне было все равно, насколько дорогой была вещь для её владельца. Мне нужно было лишь знать, сколько еды она принесет домой. Я не могла вернуться с пустыми руками: вчера закончился мешок картофеля, а сегодня мы доели последнюю порцию крупы.

Завтра нам будет нечего есть, если сегодня я не найду хотя бы несколько монет.

Живот скручивает, когда я провожу взглядом по полной тарелке фруктов. Там лежит то, что я никогда не пробовала, и мой рот наполняется тягучей слюной. Я наклоняюсь, чтобы протянуть руку к тарелке, и боковым зрением замечаю темную фигуру.

В один момент я вытягиваю кинжал, и его лезвие встречается с мечом. Комнату заполняет противный металлический лязг.

— Кто ты? — зло шипит мужчина, легко отводя мой кинжал в сторону, замахиваясь для нового удара. Я перепрыгиваю через стол, сбивая тарелку с едой, и уворачиваюсь от очередного удара мечом. Лезвие рассекает воздух всего в сантиметре над моей головой, когда я с громким стуком падаю на колени.

Я вскакиваю, чтобы рвануть назад, но там уже стоит огромная тень и я втягиваю воздух. Он не атакует. Просто ждет, когда я сама сделаю шаг. По сравнению с ним я кажусь ребенком. Он выше меня на добрую голову, шире в плечах и в несколько раз сильнее. Но хуже всего другое — несмотря на свои размеры, он чертовски быстрый.

Мне приходится вложить в движение весь импульс ног, когда я встаю, и втыкаю кинжал в его правое подреберье. Я сумела воткнуть его достаточно глубоко, чтобы обеспечить себе пару секунд форы. И я не собираюсь их терять.

Я разворачиваюсь и бросаюсь к окну, через которое проникла в дом. Если не спускаться вниз, а перебраться на соседний карниз, я смогу добраться до крыши и уйти с другой стороны.

Я почти пересекаю комнату, когда что-то тяжелое врзается в меня и прижимает к стене. А в следующую секунду в спину входит кинжал. Я шиплю от боли. Он смеется, вжимая лезвие глубже.

— Я задал вопрос. Неужели убежать.

Мои пальцы нащупывают второй кинжал, закрепленный на бедре. Сквозь разрез накладки и платья я вытаскиваю его и вслепую вонзаю куда-то назад.

Он резко втягивает воздух. Кажется, я все-таки застала его врасплох. Кинжал покидает мою спину.

И когда мужчина разворачивает меня к себе, мое сердце пропускает удар.

Я сегодня не вернусь домой.

Его рука сдергивает капюшон с моей головы.

Я больше не увижу братьев.

Сердце пропускает еще один удар.

И его глаза округляются. Он выглядит не просто удивленным, нет, он шокирован. Синие глаза долго изучают меня, прежде чем мужчина медленно отступает.

Мой кинжал выпадает из его руки и с громким звоном ударяется о пол. Он вытаскивает из живота второй кинжал, и тот тоже падает рядом с первым. Мужчина все еще не сводит с меня взгляда, но его ладонь скользит по собственному телу. Я замираю.

Рана, которая еще секунду назад кровоточила, затягивается прямо у меня на глазах.

Он соматург? Я наблюдаю, как он отодвигает руку от себя, как он прищуривается. На секунду он застывает — а потом его рука скользит мне за спину.

Тепло вместе с легким покалыванием пробегает от шеи вниз по позвоночнику, и я широко распахиваю глаза.

Он не соматург.

Он Кальдр.

И это лишь малая часть магии, которой он владеет.

— Что ты здесь забыла? Кто тебя послал?

Мужчина убирает руку от моей спины, и мои кинжалы тут же взмывают с пола, притягиваясь к его ладони. Следом за ними к нему с металлическим скрежетом скользит меч, лежавший в метре от нас.

Я сглатываю.

— Никто.

— Тогда что ты здесь делаешь? С какой целью пожаловала?

Я опускаю взгляд, избегая его пристального внимания.

А что мне ему сказать?

Привет. Я пришла обокрасть тебя?

— Ты что-то искала. Деньги? В этом все дело? Воруешь и убиваешь? — я резко вскидываю подбородок выше, встречаясь с его леденящим взглядом и вдыхаю полной грудью.

— Я, может, и воровка, но не убийца. Я бы ушла до того, как ты проснулся, если бы ты не бодрствовал.

Я все еще изо всех сил стараюсь не сжаться под его взглядом.

Я впервые встречаюсь с представителем его расы. Я знаю о них многое: они могут остановить дыхание прямо в твоей грудной клетке или переместиться из одной точки в другую, не сделав ни единого шага. Они замедляют время.

И это только то, о чем мне рассказывали.

— Сколько тебе лет?

Он отходит от меня, поправляя вещи, которые мы уронили или сдвинули во время нашей короткой схватки. Я все еще остаюсь прижатой к стене.

Меня злит его беспечность. Особенно то, что он положил мой кинжал на стол — всего в метре от меня.

— Какая разница?

— Я бы сказал, что ты еще ребенок. Мне казалось, что я сражаюсь с мальчишкой. Но увидеть девушку в темном одеянии...

Он не договаривает, будто сам не знает, что именно его удивляет больше всего.

— Мне достаточно лет, чтобы выполнять свои задачи.

— Ты ворует для кого-то? Тебе платят процент?

Он поворачивает голову в мою сторону, смеряя меня взглядом, пока я смотрю ему в спину.

— Нет. Я ворую для себя и своих... — я запинаюсь. — Для своей семьи. Я ворую только у тех, у кого есть лишние деньги.

— Благородство или глупость?

Он разворачивается и усаживается бедрами на край стола. Я невольно рассматриваю его черную рубашку, расстегнутую на груди, черные брюки, подчеркивающие широкие бедра, и сглатываю.

— Нужда.

Мужчина несколько минут молча смотрит на меня, а после разворачивается и уходит в другую комнату.

Я тут же дергаю окно. Заперто.

Металл будто сплавлен воедино и не поддается ни одному из моих усилий.

— Как ты забралась сюда? Ты ведь не вошла через дверь.

— Через окно, — недовольно огрызаюсь я, отпуская оконную раму и поворачиваясь к нему.

Он стоит возле стола. В его руках мое оружие. Мужчина протягивает их мне по очереди, и я забираю оружие, прикрепляя один кинжал к бедру, а второй — к поясу. Все это время он следит за мной с нескрываемым любопытством.

— Тут высоко.

— Да? А я не заметила. Думала, ступенька, — фыркаю я, поправляя край накидки.

И тут же отшатываюсь, когда он оказывается прямо передо мной. Слишком близко. Он нависает надо мной, сощулив свои синие глаза.

Я отступаю на полшага, и моя ладонь сама ложится на еще теплую рукоять кинжала.

— Острый язык, глупый нрав. Такие долго не живут. — он отступает, и достает из кармана кошелек. Я замечаю деньги Дорнхейма, вперемишку с местными. Он выбирает все скаргульские монеты и протягивает их мне. Я на глаз оцениваю улов: этого хватит на то, чтобы купить еды на месяц, и даже позволить себе мясо. Я уже тяну руку, но тут же отдергиваю ее обратно. Это уловка.

— Бери. Только не скитайся на карнизах, девочка. Бери и уходи.

Я еще несколько секунд недоверчиво смотрю то на окно, то на мужчину, то на монеты в его руке. А после все-таки забираю их, перекладывая в небольшой тканевый кошелек на поясе. Тяжесть монет оседает на мне, и я едва могу вздохнуть.

Я тянусь к окну под его любопытным взглядом. На этот раз оно поддается, открывая мне путь в ночную улицу.

Ставлю обе ноги на подоконник, затем перебираюсь на отлив и перехватываюсь руками за оконную раму.

— Так от меня еще девушки не уходили, конечно, — в его голосе я слышу усмешку, и перед тем, как накинуть капюшон, бросаю на него последний взгляд.

Он стоит в опасной близости. Вытянет руку — и поймает за шкуру, как ребенка.

Но мои ноги ловко находят выступ, и я ныряю в темноту ночи. На этот раз я спешу так, будто за мной действительно гонятся. Пару раз соскальзываю, едва не теряя равновесие, и только оказавшись на соседней крыше, позволяю себе обернуться. Он все еще стоит у окна. Смотрит на меня.

Я знаю, что он меня видит. И мне даже кажется, что я замечаю на его лице одобрительную улыбку. Но списываю это на бред, и ухожу домой.

Я делю деньги на две кучки.

Одну прячу отдельно. Я планирую уехать.

Вторую кладу в стол — на еду. На продукты. Чтобы дома больше не приходилось считать каждую картофелину и каждую горсть крупы.

Глава 2

— Какого черта? — я отдергиваю своего младшего брата, когда его приводят к дому. Анил только что привел Каза. На его лице разбитая губа и синяк на скуле, а сам он крепко сжимает свою накидку, выглядя диким зверьком, который готов защищаться едва ли не зубами даже от Анила, несмотря на то что тот всего лишь тащит его за руку. Мой брат упрямый и наверняка уже думает о том, как сбежать, чтобы не получить от меня за очередную драку.

— А что мне оставалось делать?! — он смотрит мне в глаза, и его карие глаза наполняются слезами. — Они собирались забрать накидку. А ты ведь только ее принесла мне...

Каз опускает голову, борясь со стыдом. Я знаю, что ему стыдно не за драку, а за то, что он снова создал мне неприятности. Вдалеке раздается крик, а следом за ним — вой собаки.

— Он подрался с сыном градоначальника, — объясняет Анил. — Я увел его, но...

Он качает головой, и я поджимаю губы.

— Каз, иди в дом. Возьми Рэйса и спрячьтесь.

— Нет! Это я виноват, Соннэ! Я пойду, пусть меня накажут.

— Нет! — я толкаю его в сторону дома, услышав приближающийся топот копыт.

Я толкаю брата еще раз, и он наконец, всхлипывая, идет к дому. Я слышу, как скрипит дверь, а после с тяжелым звуком закрывается. Братья спрячутся в проходе, и там их не найдут. Анил смотрит на меня и кивает.

— Уходи. Не надо, чтобы они заметили еще и тебя.

Но мой друг только улыбается и качает головой.

.....

Мне связывают руки веревкой. Толстый канат весь в крови, и неизвестно, сколько людей было убито с его помощью или скольким он оторвал руки. Командир отряда бьет меня ладонью по спине, а после привязывает к лошади.

Я не побегу.

Они только ускорятся. Все равно сделают так, чтобы я оказалась на земле, а потом потащат меня по улице до площади, привяжут к столбу и будут избивать и насиловать, пока я не умру.

Я не сопротивляюсь, когда меня дергают за веревку, и спиной чувствую каждый камень под ногами. Не сопротивляюсь даже тогда, когда меня поднимают и привязывают к деревянному столбу посреди площади.

Я просто закрываю глаза и начинаю отсчитывать минуты.

Сегодня мной будут пировать.

Те, у кого я брала хлеб, уже ждут своего часа. Мужчина, давно оставшийся без жены, наверняка будет первым стоять в очереди. Каждый раз, когда сюда приводят девушку, он оказывается впереди всех. Он слишком давно без женщины, а денег на ночниц у него нет.

Я уверена, что он уже в толпе.

Ждет своего часа.

— Я выкуплю! Выкуплю ее!

Я выкручиваюсь на столбе, пытаюсь посмотреть, откуда доносится голос.

Рэйс пробирается сквозь толпу и тянется к Командиру. Тот морщится, словно от грязи, и отводит руки, когда мой брат пытается до него дотронуться. Его собственные руки мозолистые и грязные — всего несколько часов назад он вернулся с рудника.

Я просила его не ходить.

Но он все равно ушел ночью на рудники.

Моему младшему брату всего двенадцать.

И он ходит туда работать, чтобы помочь мне.

Наш мир настолько дерьмовый, что я даже не могу купить ему нормальную одежду.

Я вижу Анила, который хватает Рэйса и почти силой утаскивает его прочь. Я знаю, что даже тех денег, которые принесла домой пару ночей назад, слишком мало. Нам не хватит их надолго.

По моей спине приходится первый удар плетью.

Второй.

Я молчу, сдерживая крики, пока солдаты смеются и вешают какого-то горожанина, который, видимо, посмотрел не так.

Я замечаю среди них солдата, уже успевшего вернуться от лекаря. На его лице повязка.

Я расцарапала ему лицо, когда они меня схватили.

— Неуловимая сука, — второй командир города подходит ко мне с улыбкой.

— Что, скучал? — усмехаюсь я.

Командир только смеется и качает головой.

— Я бы сегодня пировал на тебе. Натянул бы так, чтобы ты захлебнулась. Но тебя, блядь, выкупили. Тебя купили. Кому нужна такая, как ты? Я предупреждал, что у тебя дерьмовый характер. Но он все равно захотел тебя. Странные эти толстосумы, да? Прелестная дрянь.

Мои руки слабеют, и я едва не оседаю на колени.

Выкупили?

Меня?

Я заставляю себя подняться, словно пружина, и отскакиваю от холодной земли, едва не падая, когда веревка тянет меня в сторону. Спина горит, ноги саднят, а про руки я даже думать не хочу — такое ощущение, будто их уже вывихнули из суставов.

— Иди.

Он кивает в сторону.

Под разочарованные крики толпы меня уводят за сарай.

— Я платил за девушку, а не за испорченный товар.

Мужской голос привлекает мое внимание.

Знакомый.

Властный. Уверенный.

Я поднимаю взгляд и замираю.

Гость из того дома. Точнее, хозяин дома, который дал мне деньги пару ночей назад, сейчас стоит посреди площади и смотрит на командира.

Он кажется еще красивее, чем той ночью. Широкий, мощный. Синие глаза блестят под ярким солнцем, а бронзовая кожа так и манит прикоснуться к ней. Черные волосы растрепаны и завиваются на макушке, спадая на лоб.

— Ну, немного потрепалась, — командир пожимает плечами, развязывая мне руки.

Я не свожу взгляда с мужчины.

— Я думал, что ясно выразился.

Незнакомец смеривает командира таким взглядом, что тот заметно ежится и косится на своих солдат.

— Ну... Я могу лекаря позвать. Он ее приведет в более-менее приличный вид.

— Если бы мне требовались услуги вашего бесполезного лекаря, я бы уже сообщил.

— Скидку сделаю. Хочешь?

Командир тут же замолкает, получив в ответ настолько неодобрительный взгляд, что его улыбка исчезает. Синие глаза мужчины опасно темнеют.

— За полцены. За мой просчет.

Командир кивает солдату. Тот скрывается в палатке и через минуту возвращается с небольшим мешочком денег, который протягивает незнакомцу.

— Пойдем.

Мужчина забирает деньги, скулы его напрягаются, и он кивает мне. Я иду за ним, даже не осмеливаясь замедлиться или оглянуться, хотя ноги болезненно тянут, а руки едва получается держать вдоль тела.

— Я думал, тех денег хватит на какое-то время, чтобы ты больше не воровала, — его голос тихий, чтобы нас никто не услышал. Он даже не оборачивается, чтобы убедиться, что я иду следом. Будто я на поводке.

— Я не воровала.

Он останавливается, как только мы выходим из толпы, и оборачивается ко мне.

Я встречаюсь с его взглядом.

— Я не воровала, — повторяю уже тише.

Он ничего не отвечает и продолжает путь. Я снова иду за ним.

Мой топ надорван со спины, брюки оборваны по краям. Я прячу взгляд в земле, не решаясь смотреть на него.

Параллельно нам следует еще одна тень. Мужчина в плаще с капюшоном наблюдает за моим незнакомцем, а затем в конце концов кивает и растворяется в толпе.

Мы возвращаемся в тот же дом.

Только теперь я поднимаюсь по ступенькам вслед за хозяином, который открывает дверь и пропускает меня вперед. Днем помещение выглядит гораздо уютнее. На столе стоит еда, разложены какие-то закуски и фрукты.

Я невольно задерживаю взгляд на них.

— Прими пока душ. Смой с себя грязь.

Незнакомец открыл мне дверь, и я вошла в ванную комнату. Я никогда не бывала в таких местах. Здесь все было выложено камнем, а посреди комнаты стояла огромная ванна. Я дернула за рычаг — и сверху полилась вода.

Но восторга не было.

Я не радовалась.

Он все-таки купил меня.

И теперь только богам известно, что со мной будет после того, как он закончит.

Я не стала принимать ванну и выбрала душ. С ним я была знакома: видела подобные на улицах, где можно было заплатить несколько монет и смыть с себя грязь.

Когда я ступила на прохладный каменный пол, то заметила на тумбочке рядом с ванной стопку одежды. Явно женской. Еще недавно ее здесь точно не было, а значит, незнакомец каким-то образом перенес ее сюда с помощью магии.

Я развернула вещи.

Зеленое платье с глубоким декольте и высоким тканевым воротником, похожим на ошейник. Спина полностью открыта, будто нарочно подчеркивая следы побоев и мои свежие раны. Длинные разрезы на обеих ногах начинались от бедра и доходили почти до самого пола.

Оно было красивым.

Соблазнительным.

И слишком красноречиво говорило о том, для чего меня сюда привезли.

Открыть дверь оказалось самым тяжелым, я будто пыталась сломать преграду, которой не существовало. И нет, это была не его магия, как тогда с окном.

Это было мое собственное падение.

— Я не понимаю, Ксарн. Это какое-то сумасшествие. Ты явно путаешься и путаешь нас.

Незнакомый голос рассек тишину, и я осмелилась пойти на звук.

— Я ничего не перепутал. Я знаю, что видел и что вижу сейчас.

Когда я вошла в комнату, на меня обернулись две пары глаз. Мой незнакомец сидел за тем самым столом, через который я перепрыгнула той ночью. Теперь на нем было столько еды, что ею можно было накормить целую толпу.

Второй мужчина, судя по жесту, накинул капюшон своей накидки, как только я вошла. Отсюда я видела только его глаза — настолько глубокого зеленого цвета, будто сам лес жил в них.

— Она хилая. Слабая. И еще и девушка, — он переводит взгляд на моего незнакомца и качает головой.

— Это она. Она забралась по этой стене ночью, в сильный ветер, вскрыла мое окно и рыскала по комнате так, что ни один человек не смог бы ее засечь, — тот, кого он назвал Ксарном, смотрит на меня своими синими глазами.

— Я в этом сомневаюсь, — второй незнакомец хмыкает.

— Садись, поешь.

Мой незнакомец встает со своего места и кивает мне. Я как деревянная переставляю ноги, неуклюже спотыкаясь о ножку стула и едва дышу. Это вызывает смешок со стороны второго незнакомца.

— Сядь.

Я послушно опускаюсь на стул и уже выставляю руки, чтобы пододвинуть его под себя, но мой незнакомец сам берется за спинку и придвигает стул. Я оказываюсь прямо посреди накрытого стола.

Мой незнакомец стоит за моей спиной.

Второй — сбоку.

Я чувствую себя зверьком, которого рассматривают под любопытными взглядами.

— Хакан, будь добр, перестань смотреть на нее таким взглядом. Она забывает дышать.

Я хочу обернуться и сказать, что меня гораздо сильнее пугает он сам, но вместо этого сглатываю и молчу. Незачем привлекать к себе еще больше внимания.

Второй незнакомец вздыхает и отходит в сторону.

— И что же привело тебя на площадь?

— Ситуация.

— Ситуация. Нужда. Никто. Как много иногда от тебя можно получить ответов, особенно если задавать правильные вопросы, — Ксарн усмехается. — Начни отвечать на мои вопросы. Прояви хоть немного уважения. Я сохранил тебе жизнь. Дважды, кстати говоря.

— У нас не выжить, если отвечать на вопросы.

Я оборачиваюсь к нему, сжимая в руке вилку. Его лицо тут же растягивается в довольной улыбке. Хакан рядом напрягается, хмуро глядя в мою сторону.

— Отвечай на вопрос.

— Мне нужно было спасти брата! Что мне еще оставалось? Его бы там повесили! Он подрался с сыном градоначальника, а это смертный приговор!

Я вскакиваю из-за стола и, не обращая внимания на угрожающую позу Хакана, сокращаю расстояние между собой и моим ночным незнакомцем.

— А что, твой брат не знает, как ты добываешь еду? И он все еще позволяет хрупкой девушке решать его проблемы? А тебя, думаешь, там бы не повесили?

Он склоняет голову и складывает руки на груди.

В этот раз я без оружия. А вот на его поясе блестит кинжал. Я могла бы снять его и вонзить Ксарну под ребра...

Хотя, скорее всего, я бы умерла раньше, чем успела это сделать.

— Ему двенадцать! Что он может?! Рудники, шахта или армия! Вот три пути! Рудники? Рудники — это полгода, а потом люди умирают. Представляешь? Отравленный воздух! А из шахт можно не вернуться уже завтра. А в армии у него одна дорога — на мясо! Его пошлют туда без оружия, его убьют медвоксы, а если ему даже повезет пройти мимо них, его убьют варгримы, которые идут следом за своими тварями. Куда?! Куда ему идти?!

Я смотрела на него, тяжело дыша. Сердце билось так часто, что грудная клетка не справлялась с болью.

— А вот ответь ты: что ты здесь делаешь? Корабль в Дорнхейм отплыл вчера утром. Вся ваша дипломатия уплыла вместе с ним. Так что ты здесь делаешь? С какой целью? Революция? Охота? С какой целью Кальдор остается в Скаргуле вместе с Лиорели?

Я тяжело выдохнула и отступила на шаг, все еще не отрывая взгляда от незнакомца.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

А затем его взгляд изменился.

Глаза сузились до нормального размера, и он медленно перевел взгляд на своего спутника.

— Как ты поняла?

Хакан оказывается рядом со своим другом, и теперь они оба смотрят на меня.

— Я видела у него дорнхеймские монеты. А еще метку солнца. Такие ставят только тем, кто родился в Дорнхейме и принадлежит к элите.

Я перевожу взгляд на Хакана.

— А у тебя слегка вытянутый зрачок. Судя по капюшону, с большей вероятностью ты скрываешь рога.

Хакан молча скидывает капюшон.

Из-под него выбиваются длинные черные волосы, волнами спадающие до плеч. А между ними возвышаются два закрученных рога.

И черт возьми, они совсем не маленькие.

Большие. Массивные. Объемные.

Я всегда думала, что у Лиорели небольшие рога.

— Превосходно. Ты очень наблюдательна. Но, отвечая на твои вопросы: нет, это не революция. И я здесь со своей целью, а не с целью дипломатии. А твои способности мне очень пригодятся, мышка.

Он выдерживает короткую паузу, продолжая смотреть на меня.

— Меня зовут Ксарн, а это мой спутник — Хакан. И после того, как ты поешь, я хочу получить от тебя согласие на небольшую услугу. Но сначала повернись ко мне спиной.

Я бы так и продолжала смотреть на него, пока огонь внутри не выгорел бы от злости, если бы Хакан не взял меня за запястье и не развернул к Ксарну спиной.

Я почувствовала прикосновение его руки: тепло, легкое покалывание. И вдруг вся боль в спине исчезла.

— Ешь.

И я ела.

Мне было так стыдно перед братьями, что я сидела за этим столом и набивала живот едой, которой никогда в жизни даже не видела на рынке. Видимо, Ксарн покупал ее в специальных магазинах. Фрукты были сладкими, овощи — настоящими, а не резиновыми и безвкусными.

Я ела и наслаждалась каждым кусочком, а потом, незаметно от них обоих, спрятала пару яблок в карман.

Если выберусь отсюда, отнесу братьям. Они такого еще никогда не пробовали.

— Не обязательно воровать с моего стола.

Ксарн тяжело выдыхает и щелчком пальцев убирает всю еду со стола.

— Я...

— У меня к тебе есть просьба. Тебе было интересно, зачем я здесь? Я ищу одну вещь. Она находится в замке вашего короля. Он украл ее, спрятал от меня и не отдает. Я пытался ее выкупить, но, увы, мне не повезло. Ты можешь достать ее. Естественно, за оплату.

Я перевожу на него взгляд.

— Ты притягиваешь металлы. Можешь перемещаться. Почему бы тебе самому этого не сделать?

— Если бы мог, сделал бы уже давно. Вещь находится в закрытой комнате, на которую наложены руны, блокирующие магию. Если я туда попаду, то не выберусь. А если попробую переместить вещь оттуда... сама понимаешь, чем все закончится.

— Ничем. Ты не сможешь ее переместить. Руны.

Он довольно кивает.

— С чего ты взял, что я смогу забраться в замок? Тем более в охраняемую комнату?

— Комната доступна. В ней есть окно, и я думаю, ты сможешь туда пробраться. Почему-то мне кажется, что ты единственная, кто способен туда влезть. Подумай до утра. Завтра я приду за тобой. Либо ты согласишься и достанешь для меня вещь, либо откажешься — и я тебя отпущу.

— Незачем думать. Я согласна.

Он окидывает меня внимательным взглядом, а я слабо улыбаюсь.

Если это все, что от меня требовалось...

— Нужно только понять, где именно она находится. Я могу пробраться в восточное или северное крыло. Западное слишком хорошо охраняется, а южное открыто для всех — нет смысла прятать что-то ценное там.

— Моя вещь находится в восточном крыле. Я дам тебе ориентир и расскажу все завтра. Сегодня ты вернешься домой и обрадуешь брата, что осталась жива.

Он делает короткую паузу.

— Сколько тебе лет?

— Мне шестнадцать.

— Совсем юна.

Он качает головой, и мой желудок сжимается. Все съеденное грозит выйти наружу. Он уже прощается со мной. Будто не верит, что у меня получится.

Мне выделили накидку, и я скрыла волосы под капюшоном, как и Хакан. Его рога были плотно спрятаны под тканью, но я все равно будто видела их перед собой.

Когда мы вышли на улицу, город уже погрузился в темноту. Редкие прохожие скользили мимо, даже не обращая внимания на две фигуры в капюшонах. Ксарн шел позади нас, и я не оборачивалась, чтобы посмотреть на него.

— Подождите меня.

Мы почти вышли из города, когда Ксарн свернул в какой-то магазин, оставив нас посреди улицы.

— Как ты забралась так высоко? — Хакан мотает головой и встречается со мной взглядом. — Я несколько ночей пытался. У меня так и не получилось.

— С детства приучилась. Как-то нужно было убегать от погони.

— Погоня после воровства?

Я киваю.

Хакан усмехается — легко, по-доброму.

Ксарн вернулся спустя пару минут с несколькими пакетами, и мы снова двинулись дальше. Я вела их по темным улицам к своему дому. Они сказали, что проводят меня.

— Ты часто бывала в городе? — спрашивает Хакан.

— Нет. Туда чаще ходил Анил. А я пробиралась в город только под покровом ночи. Когда стала старше, начала пробираться в замок. Но днем я туда не ходила.

— Анил?

— Мой друг.

Я тут же жалею, что произнесла его имя.

Главное правило Скаргула: не называй имен. Иначе они будут мертвы.

— Днем там красиво, — говорит Хакан.

— Небезопасно.

— Какая ты говорливая, — хмыкает Ксарн.

Я оборачиваюсь и смеряю его недовольным взглядом.

— Любая девушка без сопровождения, которая войдет в столицу, станет ночницей. Там девушек воруют прямо с улиц. Я не собираюсь заканчивать свою жизнь в борделе.

— Я не знал, — тихо произносит Ксарн.

После этого остаток пути мы проходим в тишине.

— Это мой дом. Спасибо.

Я останавливаюсь возле гнилой балки, которая едва удерживает крышу, и невольно ежусь. Они живут в такой роскоши, что мой дом для них, наверное, выглядит хуже хлева.

— Аэсоннэ?

Скрипит дверь. Торопливые шаги — и мой друг оказывается рядом со мной, неуверенно сжимая меч.

— Убери меч.

— Анил! Убери меч. Они... они не враги.

Я надавливаю ладонью на лезвие, и друг нехотя опускает оружие, продолжая недоверчиво смотреть на моих гостей.

— Что происходит?

— Я объясню все потом.

— Доброй ночи, Аэсоннэ. — голос Ксарна звучит так сладко и заманчиво, что я на секунду теряю дар речи. Я просто стою, глядя на него. Осмысливаю, как звучит мое имя в его устах.

Он смотрит на меня, легко улыбаясь, но в следующий момент улыбка исчезает. Его глаза вспыхивают серым свечением — и небольшой кинжал срывается с места, прижимаясь к стене рядом со мной. Лезвие повторяет изгибы дома, застывая в причудливой ломаной форме.

Ксарн поднимает взгляд к крыше. Единственное, что находится там, — спальня моих братьев.

Я вылетаю с крыльца наружу и смотрю на Рэйса. Еще секунду назад он сжимал кинжал, а теперь оружие лежит на земле у ног Ксарна.

— Доброй ночи. — голос Ксарна становится ниже и звучит угрожающе. Он по-прежнему смотрит на моего брата.

— Ты идиот!

Я показываю Рэйсу кулак и тут же сталкиваюсь с Ксарном. Он делает шаг назад, а я отступаю в сторону, перенося вес, чтобы наступить на землю, а не ему на ногу.

Ксарн молча протягивает мне пакеты. Я хлопаю глазами, не сразу понимая, что он делает, а затем беру их за ручки. Тяжесть продуктов обрушивается на мои плечи, и я едва не всхлипываю.

Они уходят от моего дома.

А я остаюсь стоять с едой в руках.

Глава 3

Вода оказывается прохладнее, чем я ожидала, но я все равно захожу глубже, пока она не поднимается мне почти до груди. Рэйс уже давно привык к такой воде и теперь плавает вокруг меня, ныряя и выныривая то с одной, то с другой стороны.

— Даже не думай!

Я замечаю его слишком поздно.

Рэйс зачерпывает ладонями воду и с громким плеском бросает ее прямо мне в лицо.

— Рэйс!

Он хохочет и отплывает подальше, а я вытираю глаза и тут же бросаюсь за ним. Зачерпываю воду обеими руками и отправляю ее в его сторону.

— Аэсоннэ!

— Сам начал!

Он снова смеется, ныряя под воду, а я жду, когда он вынырнет, чтобы обрызгать его еще раз. Рэйс появляется у меня за спиной и толкает плечом, заставляя пошатнуться.

— Ах ты!

Я пытаюсь схватить его, но он уже отплывает, смеясь так громко, что его голос разносится над водой.

Я смеюсь вместе с ним.

Наверное, впервые за долгое время — по-настоящему.

На несколько минут я забываю обо всем. О голоде. О деньгах. О рудниках. О замке, в который мне придется пробраться. О Ксарне и его странной просьбе. Даже о том, что завтра снова придется думать, чем накормить братьев.

Здесь есть только вода, солнце и Рэйс, который никак не может уговорить.

— Все, хватит! — наконец выдыхаю я, отплывая к берегу.

— Я тебя почти победил!

— В своих мечтах.

Я выбираюсь из воды, отжимаю волосы и оглядываюсь на него.

Рэйс остается в воде, недовольно фыркая.

— Я сейчас вернусь.

— Куда ты?

— За одеждой.

Он кивает и снова ныряет, а я поднимаюсь по склону, оставляя его плескаться в воде.

Я даже не успеваю сделать несколько шагов, когда слышу за спиной голос:

— Аэсоннэ?

Я вздрагиваю от голоса Ксарна за спиной и одновременно тянусь к кинжалу.

Рэйс вскрикивает, находясь по пояс в воде, и торопливо показывает мне за спину.

— Лиорел!

Он спешит выбраться из воды, и я убираю руку от рукояти.

Сегодня на мне легкое платье из полупрозрачной ткани, соединенной между собой простыми веревками. Я поправляю его край, пока Рэйс поднимается по склону и подходит ко мне, тяжело дыша после подъема.

— Рэйс, все хорошо. Это... друзья.

Я склоняю голову, бросая быстрый взгляд на Ксарна.

Он с любопытством изучает моего брата, но почему-то старательно избегает смотреть на меня.

— Это же лиорел? — Рэйс кивает в сторону Хакана.

Тот приподнимает бровь.

— Да. Я лиорел. А зовут меня Хакан. — мужчина слабо улыбается и кивает ему.

— Я просто никогда не видел таких.

Рэйс кусает внутреннюю сторону щеки, рассматривая его с нескрываемым любопытством.

Я треплю брата по волосам и широко улыбаюсь.

— У нас есть дела, Аэсоннэ.

Ксарн встречается со мной взглядом, и я киваю.

— Рэйс, возвращайся домой. Покорми Каза и оставайтесь дома. Я вернусь, как только закончу.

Мой младший брат смотрит на меня, поджимая губы. В его взгляде сомнение. Он явно не хочет оставлять меня наедине с Ксарном и Хаканом, но я киваю ему, показывая, что все в порядке.

Рэйс еще несколько секунд стоит на месте, а после, понутив голову, подбирает с земли рубашку и сандалии.

Он уходит в сторону дома, то и дело оглядываясь на меня.

Я смотрю ему вслед, пока он не скрывается за поворотом.

— Ты говорил, что придешь вечером.

— Получилось раньше. Тебе же лучше — будет больше времени на подготовку к твоему делу. Пойдем, поедем и поговорим.

При слове «поедем» мой желудок болезненно сжимается.

Хотя Ксарн купил достаточно еды, а денег, которые он дал мне той ночью, все еще хватало, я продолжала есть экономно. Яблоко можно съесть за один раз. А можно разделить на два.

Поэтому я ела меньше, чем хотела, и все равно оставалась немного голодной.

Ксарн идет впереди, Хакан — сразу за ним, а я плетусь чуть позади, по пути обрывая листья с деревьев и сравнивая их формы.

— Аэсоннэ?

Ксарн останавливается и смотрит на мои руки.

Я тут же выбрасываю листья, чем вызываю его улыбку.

— Да?

— Ты сегодня в хорошем настроении.

Я смущенно улыбаюсь и жду, пока он снова пойдет вперед, прежде чем продолжить путь. Теперь я иду уже спокойнее. Сплетаю пальцы перед собой и прикусываю губу.

Ксарн — единственный человек, кроме Анилы, который был ко мне добр. Пусть и со своей выгодой.

— На камне с одной стороны руны. Вот такие, как на этом листе. А с другой он гладкий и выпуклый, как полусфера. Красного цвета. Размером со средний камень — в карман поместится легко.

Ксарн протягивает мне лист с изображением руны, которую я должна запомнить. Я внимательно слежу за каждым изгибом символа, стараясь запечатлеть его в памяти.

— Ну, чего сложного? Красный камень. Обычно камни серые. Это будет легко.

Я усмехаюсь и закидываю в рот еще один орешек.

— Это важный для меня камень. Найди его — и я заплачу. Хорошо заплачу, понимаешь? Но ты должна его достать.

Я киваю.

После этого мне выдают одежду.

Ксарн даже позаботился о том, чтобы купить удобные брюки, обувь, рубашку и накидку. Все темное — чтобы я могла незаметно пробраться в замок под покровом ночи и забрать его камень.

У меня никогда не было одежды удобнее. Она чистая. Новая. Мягкая и приятная к телу. И главное — от нее не пахнет потом и грязью.

Я провожу ладонью по ткани, а после поднимаю взгляд на стену, по которой мне предстоит забраться. Конечно же, сердце у меня не останавливается. И ладони совсем не потеют.

Я нервно оглядываюсь по сторонам, пока Хакан уходит дальше по улице. Отсюда я сама. Они уйдут, чтобы не привлекать внимания. А если у меня что-то не получится...

Я труп.

А у меня точно не получится.

Я цепляюсь рукой за выступ и подтягиваюсь, нащупывая ногой следующий. Вдыхаю свежий воздух после дневной жары и медленно выдыхаю, стараясь успокоить дыхание и бешено колотящееся сердце.

И, как оказалось, ползти вверх по стене — не самое сложное.

Самым трудным оказывается окно.

Оно маленькое. Настолько, что я едва в него протискиваюсь. Мне приходится сжаться максимально, проталкивая сначала плечи, а потом и остальное тело.

В этот момент я впервые радуюсь тому, что у меня такая маленькая грудь.

Когда я оказываюсь наполовину внутри, готовлюсь подтянуться на руках, цепляясь за какой-то светильник, чтобы вытянуть ноги и приземлиться на пол.

Он не издает ни звука. Я довольно выдыхаю.

Получилось. Осталось дело за малым.

Я подхожу к первому сундуку и открываю крышку.

А внутри...

Сотни красных камней.

Точно таких, как описывал Ксарн.

Я официально в жопе.

Мне приходится пересматривать каждый камень.

Я проверяю сундук в крошечной тьме, ощупывая один за другим, но ничего похожего не нахожу. Тогда открываю второй.

И вновь застываю.

Еще один сундук, до краев набитый красными камнями.

Ксандр заплатит мне втрое.

Я хватаю первый попавшийся камень и переворачиваю его в руках. Полусфера. Я замираю.

На обратной стороне — руна, та самая, которую Ксандр рисовал мне накануне вечером.

Я едва успеваю осознать, что нашла нужный камень, когда дверь скрипит. Я бросаюсь к сундуку, торопливо закидывая камни обратно. Крышка захлопывается, и я оборачиваюсь.

Слишком поздно.

В комнату ударяет яркий свет от вспыхнувшего светильника. На пороге стоят двое охранников.

Я тянусь к кинжалу в тот же момент, когда один из них достает лук, а второй — меч.

И вот теперь я действительно в жопе.

Я совершаю ошибку, бросая кинжал в лицо мечника. Стрела второго охранника тут же входит мне глубоко в плечо, и я вскрикиваю от боли, едва не выпуская оружие из руки. Приходится перехватить кинжал левой рукой, но мужчина уже бросается на меня и с силой впечатывает в стену. Я изо всех сил выворачиваюсь, игнорируя боль в плече, и всаживаю лезвие ему в шею. Он обмякает, и я едва успеваю выдернуть кинжал, когда в дверях появляется третий охранник.

— Проникновение!

Я разворачиваюсь к нему и бросаю кинжал прямо в плечо. Этого хватает, чтобы мужчина отшатнулся, а я бросаюсь к окну. Мне требуется всего несколько секунд, чтобы собрать оба кинжала и подтянуться на здоровой руке. Пальцы вслепую нащупывают выступ под окном, и я цепляюсь за него, вытаскивая себя наружу.

Боль в плече вспыхивает с новой силой, но я не останавливаюсь. За моей спиной уже слышатся крики и топот приближающихся ног. Мне нужно убраться отсюда, пока они не добрались до окна.

Я слышу приближающийся топот, когда оказываюсь за окном, и через силу переставляю руки по каменным выступам. Плечо саднит, стрела мешает каждому движению, но я не останавливаюсь. Только когда добираюсь до первого уровня крыши, позволяю себе потратить минуту: обломать древко и вытащить стрелу из раны. Я прижимаю к ней лоскут ткани, пытаюсь остановить кровь, но она все равно просачивается наружу и стекает по руке вниз.

Сознание начинает плыть, медленно ускользая от меня. Страх липкими лапами цепляется за горло, заставляя спотыкаться и то и дело оглядываться через плечо.

Я не слышу погони.

Но все равно бегу.

Бегу так, будто за мной уже идут по пятам.

Бегу наперегонки со смертью.

— Аэсоннэ?

Ксарн выглядит искренне удивленным, когда я распахиваю окно его комнаты и буквально падаю внутрь. Я хотела подняться по лестнице, но там оказалось несколько охранников. Они бы сразу почувствовали неладное.

— Боги... Сколько же крови.

Ксарн подхватывает меня на руки, легко отрывая от пола, и относит на диван.

— Что произошло?

— Пож... пожалуйста...

Зубы стучат от холода, пробирающего до самых костей. Я смотрю на Ксарна и чувствую, как по телу постепенно разливается тепло. Его глаза вспыхивают серебряным свечением.

Я с облегчением прикрываю веки.

— Камень... в кармане.

У меня не хватает сил даже поднять руку, поэтому я надеюсь, что он сам достанет его и отдаст мне деньги.

— Отдохни. Я не буду лазить по твоим карманам. Это неприлично.

Я бы рассмеялась ему в лицо, если бы у меня были силы.

Но вместо этого лишь закрываю глаза.

Глава 4

Меня будит пряный запах мяса. Я довольно легко поднимаюсь с дивана и оглядываюсь: Хакан сидит напротив в кресле и внимательно смотрит на меня.

— Она проснулась.

Ксарн появляется в дверях и кивает в сторону кухни.

— Пойдем поедим. Потом пойдешь домой, а позже я принесу тебе твою часть.

Я встаю, слегка пошатываясь, и подхожу к столу. Первым делом засовываю руку в карман. Камень на месте.

— Почему ты его не забрал?

Я вытаскиваю находку и протягиваю Ксарну. Он принимает камень, подходит к окну и подставляет его под свет.

— Я же сказал, это неприлично. Ты молодая девушка.

Он несколько секунд рассматривает камень, а потом его губы растягиваются в широкой улыбке.

— Это он. Спасибо.

Я киваю и сажусь на свое место, будто оно всегда было моим.

— Хакан принесет деньги тебе домой, — говорит Ксарн. — Если ты пойдешь отсюда с такой суммой, я буду слишком сильно волноваться.

— Я хочу получить деньги сейчас.

Я смотрю на него, и Ксарн хмурится.

— Ты мне не доверяешь?

Я молчу.

— Я всего лишь хотел как лучше. Ради твоей безопасности. Но, если ты настаиваешь...

Он кивает куда-то в сторону, и я замечаю сундук.

— Сколько?

— Двести тысяч.

Мои глаза распахиваются. Двести тысяч — это билет. Билет отсюда, так далеко, чтобы мои братья больше никогда не голодали и смогли жить счастливо вдали от этой помойки.

Я смотрю на сундук, а потом снова на Ксарна.

— Наверное, будет лучше, если деньги отнесет Хакан.

На его лице появляется улыбка.

— По рукам.

— По рукам.

Я возвращалась домой. Ксандр дал мне немного денег, чтобы я зашла на рынок и купила еды, но я так спешила рассказать братьям обо всем, что почти летела вперед, сокращая путь через площадь. Меня привлек шум, и я подошла ближе, увидев, как стража собирает людей.

— Все, кто имеет принадлежность к Кальдорам, в шеренгу! Снимайте одежду!

Охранники раздевали всех подряд — детей, женщин, мужчин, даже людей знатного происхождения — и проверяли левое плечо. В груди у меня осел мерзкий холод. Они искали рану от стрелы.

После проверки стражник делал неглубокий надрез на руке подозреваемого, а огромная собака принюхивалась к крови.

— Свободен.

Человека с толчком выпихивали обратно в толпу.

Мне нужно предупредить Ксандра. Он должен уйти. Немедленно. Если они решат, что он причастен ко мне или к проникновению в замок, его тоже могут схватить.

— Эй, куколка!

Я не успела выйти с площади. Охранник схватил меня и толкнул обратно.

— Чего бежишь?

Я инстинктивно оттолкнула его обеими руками, и мужчина тут же выхватил меч. Я припала к земле, уходя от удара, но лезвие все равно задело плечо, и я зашипела от боли.

— Оставь ее.

Второй охранник остановил напарника, и я встретила взглядом с огромным псом. Он опустил голову, принялся к моей одежде, а после завыл.

У меня внутри все оборвалось.

Он узнал мою кровь.

— Поймать ее!

Я сорвалась с места и рванула в узкие переулки, петляя между домами. Боги, помогите мне. Только не домой. Не к Ксандру. Я не могла привести их к нему. Мне нужно было бежать куда угодно, лишь бы подальше отсюда, но я понятия не имела, куда направляюсь.

— Стой!

Крепкие руки перехватили меня со спины и затащили в какое-то здание. Я тут же начала вырываться и брыкнулась, выставляя ногу назад, целясь в коленную чашечку своего пленителя.

— Аэсоннэ! Стой, прекрати! Это я, Хакан!

Я замираю, и его руки чуть ослабевают, позволяя мне развернуться и посмотреть на мужчину. Мне даже не нужно снимать капюшон, чтобы его узнать.

— Боже, ты меня напугал!

— Ты в полной заднице.

Хакан лишь грустно улыбается и кивает.

Он уводит меня в дом на окраине города и велит ждать. Возвращается примерно через час с другой одеждой, небольшой клейкой повязкой, которой заклеивает рану, чтобы остановить кровь, и едой.

— Мы вернемся за твоими братьями и уйдем через лес.

Я киваю.

Обратно мы идем другим путем — вдоль длинного дома, тянувшегося параллельно площади. Я держусь чуть позади Хакана и смотрю на его спину. На нем дорогой плащ с вышитыми узорами, а со стороны мы выглядим совершенно обычно: богатый хозяин и его рабыня.

Я почти успеваю поверить, что все действительно нормально, когда Хакан останавливается.

Я тоже замираю.

Площадь выглядит чуть более многолюдной, чем обычно. Чаше всего здесь висят знакомые лица — люди, с которыми я росла, дети тех, кого знала всю жизнь.

Но сейчас я вижу знакомую синюю рубашку.

Я перестаю дышать.

— Пойдем, — Хакан делает шаг ко мне, но, заметив мое выражение лица, оборачивается и смотрит туда же, куда смотрю я.

Я не могу отвести взгляд.

Синяя рубашка.

Я знаю ее.

Анил.

А рядом с ним — Рэйс.

А чуть дальше — избитый Каз.

Все трое висят на веревках, крепко сжимающих их шеи.

Я не успеваю закричать. Хакан зажимает мне рот ладонью и тащит вперед.

— Не останавливайся. Не кричи. Сзади охранники, нас поймают. Молчи.

И я молчу, сжав зубы до боли. Мне кажется, они сейчас треснут и выпадут, а дыра в груди поглотит меня вместе со всем этим проклятым миром.

— Боги... Мне так жаль, — только и говорит Хакан, когда мы наконец выходим на тропу, ведущую к дому.

— У тебя пять минут. Возьми теплые вещи.

Пять минут, чтобы собрать ничего.

У меня ничего нет. Ни ценностей, ни денег, ни вещей, которые стоило бы брать с собой. Только две игрушки братьев — деревянные фигурки людей, которых я сделала им после смерти мамы.

Я утираю слезы, сжимая игрушки в ладонях, пока Хакан не касается моего плеча.

— Нам надо идти.

Я киваю.

Он оглядывает пустые полки, открывает шкаф и достает теплую накидку, кофту и штаны. Запихивает все в сумку с дыркой на боку и протягивает мне руку.

— Вставай, мышка. Нам пора.

— Нет... Не забирай.

Хакан осторожно забирает игрушки из моих рук и просовывает их под свою грудную перевязь. Показывает мне, что они будут с ним.

И я снова начинаю дрожать, сдерживая слезы, но послушно следуя за ним. Под ногами Хакана скрипит каждая доска, а я двигаюсь почти бесшумно. Когда-то я придумала игру: пройти по дому так, чтобы не заставить ни одной доски скрипнуть. Братья переняли ее и неуклюже пытались повторять мою манеру ходить.

— Здесь еще что-нибудь ценное осталось? — спрашивает Хакан, когда я закрываю дверь.

— Нет. Ни украшений, ни дорогой одежды, если ты об этом. Самая большая ценность этого дома — сейчас на площади.

Я встречаюсь с его взглядом, наполненным болью и жалостью, и поспешно отвожу глаза.

Хакан дергает меня за руку, заставляя идти дальше. Я едва переставляю ноги, отдаляясь от дома.

Вот дерево, в которое мы метали ножи. Я смотрю на него всего секунду.

— Поспеш.

Хакан тянет меня вперед, к тропинке, и постоянно оглядывается назад. Я тоже поворачиваю голову, следуя за его взглядом, но ничего не вижу.

— Что такое?

Ответом мне становится только шелест листьев под ногами, когда мы ускоряем шаг.

Через полчаса я наконец понимаю, почему Хакан все это время нервничал, почему заставлял меня идти впереди и постоянно оглядывался. Вдалеке раздаются крики, ржание лошадей и заливистый вой собак.

— Они?

Я замираю и оборачиваюсь. Хакан останавливается следом, встречаясь со мной взглядом.

— За тобой. Беги!

Я срываюсь с места и бегу так быстро, как только могу. Легкие горят, я едва успеваю дышать в этом бешеном темпе. Хакан держится рядом, хотя его способностей хватило бы, чтобы уйти далеко вперед, но он не бросает меня. Уводит с троп, заводит в самые труднопроходимые участки леса, где преследователям будет сложнее нас догнать.

Мы пересекаем болото, потом реку и только тогда позволяем себе немного замедлиться. Но ненадолго. Первая лошадь показывается из кустов как раз в тот момент, когда мы скрываемся в чаще.

Стражник спешивается, подходит к берегу и, заметив вязкую землю, начинает осматриваться. Вскоре к нему присоединяются остальные.

Мы уходим дальше.

— Что ты сделала такого, кроме одного украденного камня, что за тобой отправили целую гвардию? — спрашивает Хакан, когда на закате мы пересекаем очередную деревню.

— Убила трех охранников. Они напали на меня. У меня был выбор: либо умереть, либо защищаться.

— Рад, что ты выбрала второе.

Его мягкие губы трогает настоящая улыбка, и я слабо киваю.

Тогда я боролась за братьев. За их свободу.

А теперь даже не знаю, ради чего мне жить.

Мы останавливаемся поесть, когда лес погружается во тьму. Я кутаюсь в теплое пальто и настороженно оглядываюсь по сторонам.

— Они далеко, — успокаивает меня Хакан. — Мы выиграли себе добрых шесть часов форы. Можем немного отдохнуть.

Он кивает на лежанку, которую устроил для меня среди деревьев, защищенную от ветра.

— Я боюсь диких животных. Ну, знаешь... волков, медведей и всяких других тварей.

Я поеживаюсь и глубже зарываюсь носом в рваный мех.

— Не бойся их этой ночью. Они сюда и близко не подойдут, почуяв мой запах.

— Значит, правда, что запах лиорели отпугивает животных? Говорят, в нем есть что-то дикое и злое, поэтому звери не приближаются.

Хакан смотрит на меня, а потом рассмеялся.

— Честно говоря, не знаю, что в нашем запахе может быть такого страшного. Вроде бы я пахну так же, как Ксандр. А насчет животных все проще. Я могу общаться с ними и использовать некоторые их способности. Например, видеть глазами птицы или чувствовать то, что учуял волк. Поэтому для них я вроде своего, и они меня не трогают. Правда, на твой запах они могут прийти. Но вряд ли осмелятся напасть.

Хакан распускает волосы, освобождая их из хвоста, и они рассыпаются по его плечам и спине.

— Спи, мышка. Нам предстоит долгая дорога, а тебе нужно отдохнуть хотя бы пару часов.

Я не собираюсь спать. По крайней мере, мне так кажется.

Но стоит моей голове коснуться мха, как я проваливаюсь в сон

— Просыпайся.

Мне на ходу всучили завтрак — несколько галет и яблоко, — и я послушно двинулась следом за Хаканом. Он выглядел бодрее и веселее меня, хотя сам всю ночь не спал.

Мы пересекли деревню Норивар, где остановились на следующую ночь. Я впервые за долгое время приняла теплый душ, плотно поела рагу из мяса и картошки, а после легла спать, пока Хакан сидел у окна и наблюдал за улицей. Вряд ли ему нравилась ситуация, в которую он попал из-за меня.

На рассвете мы снова отправились в путь, но вскоре Хакан свернул вглубь деревни и остановился возле конюшен.

— Я хочу купить двух коней. Лучших, какие у вас есть.

Он смерил взглядом пузатого мужчину, который в ответ недовольно скривил губы.

— Посмотрим, есть ли у вас деньги. Специально для Дорнхейма — пятьсот тысяч за голову.

— А если так? — Хакан усмехнулся. — Вы меня с кем-то перепутали.

Он сбрасывает капюшон.

Старик открывает рот и удивленно оборачивается на нас.

— Так вы... Тогда для вас цена как для своих. Двадцать тысяч за голову.

— Тридцать тысяч — и сбруя за ваш счет.

Мужчины ударяют по рукам, и уже через несколько минут нам выводят двух лошадей: темно-коричневую кобылу и жеребца, черного, почти как ночь.

Хакан поворачивается ко мне.

— Надеюсь, ты умеешь ездить верхом?

— Да, есть опыт.

Я не уточняю, что каждый раз это был украденный конь из соседней деревни, на котором я просто носилась по полям. Не думаю, что это можно считать настоящим опытом верховой езды.

Остается лишь надеяться, что моя лошадь окажется достаточно умной и будет послушно следовать за Хаканом.

Мы пересекли границу Скаргула еще полдня назад, на рассвете. Теперь, двигаясь по территориям Грундрака, я всерьез хотела выbleвать весь свой завтрак. Хакан предупредил, что здесь мы будем двигаться без остановок.

Орки, гномы, темные колдуны и всякая другая нечисть, полуразложившиеся твари и существа, которых я даже не могла назвать. Казалось, это место было рассадником всего, что только и ждало возможности вцепиться в тебя. Я боялась даже смотреть по сторонам, зная, что кто-нибудь обязательно попытается схватить меня за руку и стянуть с лошади. Такое уже случалось дважды.

— Два билета до Зарелиона.

Высокий худощавый мужчина с синей кожей окидывает взглядом нас и наших лошадей, после чего неодобрительно цокает языком.

— А с лошадьми что?

— Продам на рынке.

— Готов поменяться. Ваши кони — на мои билеты.

— Идет.

Хакан кивает мне, призывая спрыгнуть с лошади. Он забирает седельную сумку со своего коня, а синеконный мужчина зовет помощника — такого же странного существа, только с зеленой кожей. Тот уводит наших лошадей.

— Билеты ваши. Проходите. Отплываем через пару минут.

Мы поднимаемся на корабль, и, устроившись на палубе, я наклоняюсь к Хакану.

— После такого Скаргул кажется местом рассвета мира, а не помойкой.

Хакан слабо кивает.

— Это помойка всех миров. Весь мусор стекается сюда, чтобы что-то продать или купить. Но есть и свои плюсы: здесь можно найти все, что угодно, и уехать практически куда угодно.

Я перевожу взгляд за борт.

Вода здесь еще грязнее, чем в Скаргуле. Боюсь, ее не то что пить — в ней даже купаться нельзя.

— Она отравлена их химией. Они промывают металлы какими-то растворами, а отходы сливают сюда. Поэтому здесь почти нет растительности. Это мертвый город, — Хакан грустно улыбается. — И мертвые души его населяют.

Корабль начинает отходить от берега, и я снова смотрю на грязную воду, пытаюсь представить, сколько всего она успела в себя вобрать. Кажется, здесь даже сама земля давно перестала бороться за жизнь.

— Мне так жаль, Аэсоннэ. Я правда сожалею о твоих братьях. Они были еще так юны, и вся их душа была открыта для нового. Такая потеря... это общая боль.

Хакан качает головой, и я впервые за столько дней не плачу, когда думаю о братьях.

Наверное, я просто больше не могу.

Я смотрю на удаляющийся берег и понимаю, что теперь не знаю ни куда направляюсь, ни что ждет меня впереди. У меня больше нет дома, нет семьи, нет цели.

Есть только этот корабль, уходящий все дальше от прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.